

дает Дмитрий Карамазов, это и составляет идею, которую он выражает в романе. Способность глубоко чувствовать эту радость, постоянно пребывать в ее свете *оправдывает* все его низости и его разврат, потому что и в них Дмитрий пребывает с той же радостью – пребывает в такой *полноте* бытия, которая делает неважными, вторичными этические оценки.

Сам Дмитрий выражает последнюю мысль через противопоставление в человеке ума и сердца: "Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота? Верь, что в содоме-то она и сидит для огромного большинства людей – знал ты эту тайну иль нет?" (14; 100). "Красота" – это то, что невыразимо притягивает человека, что он готов преследовать в земной жизни со всей страстью души. И вот, красота оказывается загадкой и тайной, местом встречи Бога и дьявола: "Красота – это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя потому, что Бог загадал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут... Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей" (14; 100).

Достоевский вовсе не считает, что сердце (иррациональное начало человека) выше ума (рационального начала); лучше всего, когда они дополняют друг друга. Но сердце все-таки является первичным качеством; именно в нем живет радость, и поэтому оно дает основание бытию и жизни, в отделении от него ум теряет опору и запутывается в бесконечных противопоставлениях и неразрешимых вопросах. В этом в конечном счете заключается преимущество Дмитрия перед братом Иваном, поскольку в мифологической логике романа Иван является таким же олицетворением *ума*, как Дмитрий – *сердца*. Именно это определяет отношения Ивана и Дмитрия между собой, а также их отношение к брату Алеше. Однако прежде чем подробнее рассматривать этот очень важный вопрос, обратим внимание на еще один аспект рассмотренного нами фрагмента романа.

Мы предлагаем задуматься над тем, почему Достоевский выбрал именно гимн к радости Шиллера в качестве центрального элемента исповеди Дмитрия, в качестве поэтического символа, выражающего суть его образа. Нам кажется, что в данном случае мы имеем дело с типичным парадоксом "в стиле Достоевского": используя произведение с известным и вполне прозрачным, в общем мнении, смыслом, писатель имеет в виду как раз совершенно нетривиальный и почти неизвестный его смысл, который тем выразительней прочерчивает абсолютно нетривиальное содержание идеи Дмитрия Карамазова.

Для раскрытия этого скрытого смысла достаточно вспомнить, в рамках какой традиции и для выражения какой идеологии создавалось произведение Шиллера. На самом деле Шиллер был ярким представителем религиозной традиции европейской культуры, *альтернативной по отношению к историческому христианству и христианской церкви*. Согласно распространенному мнению, он был членом очень известного баварского ордена иллюминатов, который 1 мая 1776 г. был основан профессором канонического права Адамом Вейсхауптом и который представлял собой одну из оригинальных версий масонского движения. Стихотворный гимн Шиллер создавал именно для выражения принятой им религиозной идеи. Основные черты этой идеи хорошо просматриваются даже в переводе гимна, выполненном Тютчевым, хотя переводчик и попытался придать стихотворению "благопристойный" вид с точки зрения канонического христианского мировоззрения. Нужно вспомнить, что масонское движение по своему происхождению имело весьма глубокие исторические корни, оно было ярким проявлением давней религиозно-философской традиции, с которой связаны многие выдающиеся достижения европейской философии и европейской культуры (например, вся культура Возрождения). Мы имеем в виду гностическую традицию, точнее, гностико-мистическую традицию, соединившую в себе древний гностицизм и мистический пантеизм еретических учений Средневековья (некоторое влияние на эту традицию имел также неоплатонизм).